

Мы познакомились восемнадцать лет назад.

Меня позвали на заседание «Московского интеллектуально-делового клуба» (Клуб Н.И. Рыжкова)». Но к назначенному часу прибыть в Москву я несколько задержался: у себя в Нижнем Новгороде получал областную премию имени М.Горького за издание тогда ещё альманаха «Вертикаль».

Войдя в малый конференц-зал гостиницы «Даниловская» (в это время уже выступал с докладом «Актуальные проблемы радиационной безопасности России» академик РАН, лауреат Ленинской и Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда Л.А. Ильин) я сел на первое, увиденное за общим большим столом, свободное место и оказался рядом с серьёзным молодым мужчиной: поджарым, одетым в строгий костюм, лицо сосредоточенное, на подбородке короткая «профессорская» борода. Это и был Андрей Ребров.

Это потом я узнаю, что первое моё впечатление оказалось во многом не верным. Потому что есть в характере этого человека много истинно поэтического: раскрепощённость в суждениях и в обращении с друзьями, даже некоторая бесшабашность в отношении окружающего мира, людей, в нём живущих не так, как он сам. А ещё непрактичность и бессеребрянность, граничащая, с обывательской точки зрения, с материальной непрактичностью.

Да и то — как им объяснить, что поэт живёт в другом мире с другими измерениями.

*После Макарья мело непрестанно,
Но распогодилось поутру вдруг:
День Обретенья главы Иоанна,
Третья седмица коломенских вьюг.*

*Солнце взошло над Подъяческой Средней
И засияло над каланчой,
Будто в Николе, во время обедни, —
Свет невечерний над кроткой свечой.*

*Вспыхнуло солнышко в окнах Садовой
Множеством ярких весенних огней.
Мокнет на тоненькой кромке ледовой
Выпавший лист из февральских Миней.*

В душе Андрея Реброва навсегда сокрыт старый Петербург, в котором поэт вырос, в котором (среди его величественных домов и красивейших, блестящих своими фасадами дворцов, среди тихих задумчивых каналов и монументальных соборов) осознал он свое предназначение. Отсюда, видимо, обострённость восприятия всего происходящего среди этих вековых стен и парапетов набережных: северостолчное, резковатое, стремительно переходящее в его стихотворных строках от созерцательно-спокойного к жёстко констатационному, категоричному, бескомпромиссному в оценках. И тогда читатель сразу понимает — перед ним поэт непростой судьбы, не её баловень, а борец, отстаивающий свою правду, за которую дорого приходится платить.

*Запираю осторожно двери,
Запираюсь я от темноты.
Слышу, как на свет приходят звери,
Лапами царапая кусты.*

*В щёлочку подглядываю тихо:
Кружат огоньки зелёных глаз,
Роет под забором кабаниха
В дикий огород широкий лаз.*

*Видно, я в порыве одиноком,
На авось доверившись судьбе,
Домик свой поставил ненароком
На звериной хоженной тропе.*

Но это в стихах. В жизни, в дружеском общении Ребров другой — верх берёт, повторяюсь, доброжелательность, духовная расположенность, хлебосольность.

После того давнего заседания Клуба Н.И. Рыжкова поздним вечером мы вышли на улицу, вдоль затемнённых монастырских стен прошли к метро. На последнюю электричку до Переделкино, где на своей писательской даче дожидался меня Олег Николаевич Шестинский, я опоздал. Единственным пристанищем в столице для неустроенных, бездомных литераторов, приехавших в Москву по своим делам, было здание Союза писателей России на Комсомольском проспекте. Туда мы небольшой группой и отправились. Так по-настоящему познакомился я с ребятами из Санкт-Петербурга, начавшими издавать журнал «Всерусский соборь», в котором Андрей Ребров являлся главным редактором.

Нам легко было найти общий язык. Мировоззренчески мы с Андреем Ребровым были единомышленниками в любви к своему Отечеству и видели его процветающее будущее только в лоне Русской Православной Церкви. Мы старались служить этой идее, так горячо в нас жившей, в меру своих сил искренне и преданно. В первую очередь своими произведениями и общественной работой. В наших журналах это было провозглашено с первых номеров.

Андрей Ребров много странствовал по русским монастырям, постепенно обретая главные смыслы своего творчества. Ко времени нашего знакомства им уже было написано большинство из тех стихотворений, которые немногим позже стали широко публиковаться по всей России.

*Пролёт по невским гладям лёд,
И по застывшим токам вод
Стремятся люди, как по суше, —
А я тужу — в такую стужу
Ко мне никто уж не зайдёт...
Но вспомню — хрупкий небосвод,
Пасхальный, звонкий ледоход,
Стаи обдувающий прилёт,
И радость навещает душу.*

*И я уже идти готов,
Чтоб встретить за метельным пеньем
Христосованье куполов
Со встречным солнышком весенним...*

Приобретённый творческо-мировоззренческий багаж позволял поэту твёрдо определиться в жизненных приоритетах.

Мне всегда хорошо с Ребровым разговаривать, что-то обсуждать. Как-то в один из приездов в Санкт-Петербург, Андрей провёз меня по некоторым святыням. Мы побывали и в Александро-Невской лавре, и у Ксении Петербургской, и у Иоанна Кронштадтского...

В другой раз гуляли по Васильевскому острову. Была зима, дул пронзительный ветер с залива. Когда мы замерзали, то спускались в подвальчики-кабачки и Андрей по праву хозяина угощал меня рюмкой водки и всё уговаривал (у меня некстати разболелся зуб) выпить ещё одну рюмку, утверждая:

— Тебе надо, вот увидишь, зуб перестанет болеть.

Сам он к спиртному не притрагивался вовсе, и я был уверен, что он антиалкогольный человек.

Сейчас вспоминаю ту пору, и так тепло, так радостно становится на душе, потому что понимаю — насколько же мы были моложе, как много всего ещё должно было случиться в наших жизнях впереди, о чём тогда и не догадывались. Будут впереди разочарования — но будут и победы. И будет осознание чего-то большего, глубинного.

Не только того, что:

От поля жизни — золото стерни

Всего-то и осталось...

Напротив, чем больше проходит времени, тем иное утверждается в душах.

И я иду к заветному востоку —

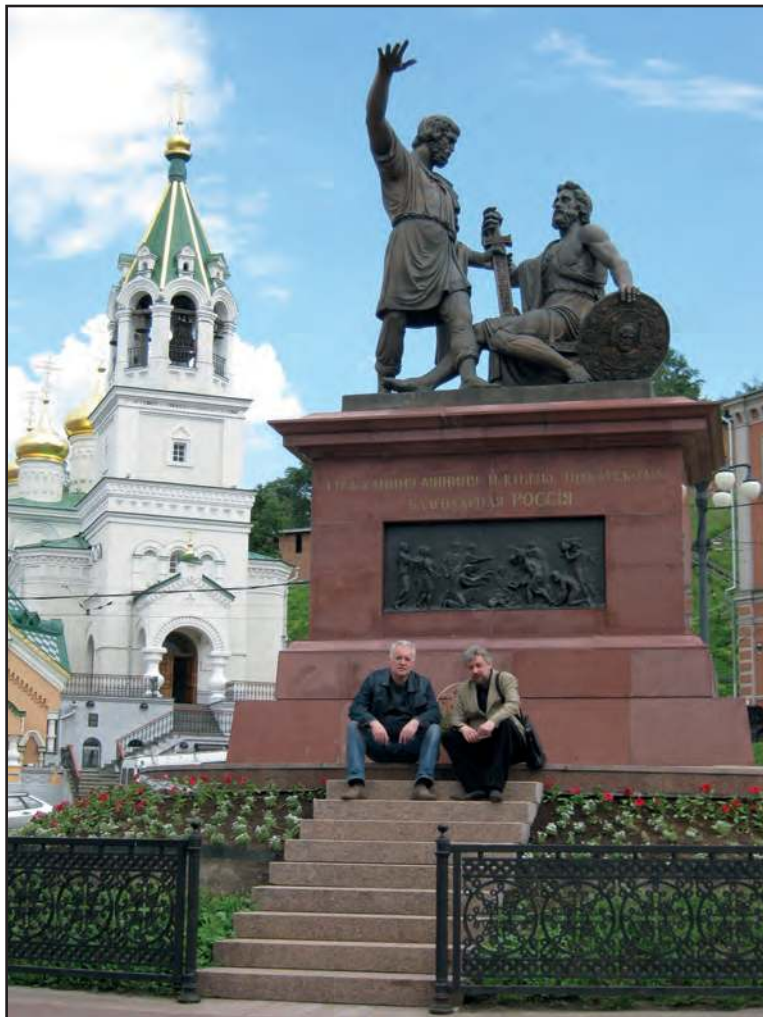
Туда, в глухие скитские леса,

Туда, где в душах кротких и высоких

Уже фаворски светят небеса.

Теперь мы совсем редко стали видеться, и я ощущаю, как тоскую по тому, общему для нас с Ребровым, прошлому.

Нижний Новгород

Андрей Ребров и Валерий Сдобняков у стен Нижегородского кремля